

потребуется краткая критическая генеалогия с ее вниманием к изначальному контексту создания институтов, разрывам и сдвигам в их эволюции, к скрытым мотивам и маскам, захватам и перетолковываниям со стороны превосходящей силы, к непреднамеренным последствиям и неожиданной пользе. Помимо критической дистанции, такая генеалогия дает способ видения, с помощью которого некоторые идеи исторической социологии обретают новые краски.

1 Бандиты и государственники

Сугубо гражданский облик главы государства — это новейшее явление. На протяжении всей истории лидер политического сообщества, за исключением большинства персон женского пола, всегда выступал в образе военного предводителя, при оружии, доспехах или в форме. Во все времена прочность гражданского правления наилучшим образом гарантировалась военными успехами.

Генеалогия государства восходит к элементарной форме политического союза — военному вождеству. Сценарий его эволюции может проигрываться с разной скоростью в самых разных местах, временах и масштабах. Вождество формируется, когда под предводительством сильного лидера группа хорошо организованных

профессиональных воинов подчиняет, если сумеет подчинить, более мирные и разрозненные племена, но не для простого грабежа или убийства, а для последующей принудительной эксплуатации — настолько долго, насколько сможет продержаться в условиях военной конкуренции.

Что определяло успешное строительство вожества? Причины надо искать в инновациях, к которым прибегали лидеры. Они меняли способ действия так, что теперь мы могли бы сказать: их действие становилось «политическим». До нас дошло мало деталей из далекого прошлого, но в элементарной форме этот переход можно увидеть и в относительно недавних естественных экспериментах.

Мощная по южноафриканским масштабам империя зулусов была создана всего за два десятилетия после 1808 года в области обитания племен банту. Они постоянно воевали между собой, стараясь истребить мужчин и захватить имущество конкурентов. В этой непростой обстановке Дингисвайо, вождь племени мтетва, придумал две организационные инновации.

Во-первых, он изменил принцип формирования боевых отрядов. Вместо того чтобы использовать боевые единицы из мужчин одной родовой общины, он создал подразделения на основе возрастных когорт. Тем самым он ослабил семейно-территориальные связи внутри армии и усилил централизованное командование.

Во-вторых, вместо того чтобы убивать поверженных противников, как это было принято, Дингисвайо предлагал им перейти к нему на военную службу, оставляя местным вождям шанс править своими же землями, но от его имени. В результате мтетва расширили территорию, подчинив в том числе и небольшое племя зулу.

Из зулусов к воинству Дингисвайо примкнул Чака, побочный сын вождя, который после смерти Дингисвайо в 1818 году захватил власть и переименовал вожество мтетва в Королевство зулусов (Венэ ва Зулу). Он неукоснительно следовал двум описанным выше организационным принципам, но добавил к ним еще и военные изобретения — тяжелое копье-пику с длинным

режущим наконечником *ассегай* и короткое ударное копье с широким наконечником *иклва*ⁱ. При этом Чака стандартизировал вооружение каждого воина, изобрел новую тактику боя, методы обучения и создал регулярную армию, в которой мужчины должны были отслужить определенный срок, прежде чем они получали надел земли и разрешение жениться. В результате, за десять лет вождю удалось подчинить 300 других племен и создать некоторое подобие системы должностей для управления «империей» зулусов (примерно равной по площади Ивановской области). Чака также подчинил местных колдунов, взял на себя судебные функции и установил культ вождя как воплощения единого тела народа. Зулусское вождество дважды успешно решало проблему своего сохранения после смерти вождя и передачи власти преемнику. Оно могло бы стать крупным африканским государством. Однако к концу XIX века Венэ ва Зулу было разгромлено более сильными противниками, для которых стало представлять военную угрозу, — сначала бурами, потом англичанами.

Похожие сценарии, как показывает исследование антрополога Тимоти Ёрла, разворачивались на полуострове Ютландия (территория нынешней Дании) уже в бронзовом веке (1000 лет до н. э.), в перуанских Андах в 500–1500 годах и на Гавайских островах в 800–1824 годахⁱⁱ. Наиболее успешными — а успех определяется не столько размером, сколько длительностью существования — оказывались

i Фонетически это название имитирует чавкающий звук, который получается, когда широкое копье резко выдергивают из тела поверженного противника.

ii *Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy of Prehistory.* Stanford: Stanford University Press, 1977.

те вождества, которые сочетали военную организацию с контролем над экономическими ресурсами и системой религиозных культов, делавших вождя и социальную иерархию продолжением божественного порядка. Долгосрочное выживание политического сообщества зависело не столько от военных успехов, сколько от способности организовать местную экономику и торговлю, что позволяло вождям изымать ресурсы территории и распределять их между соратниками, оплачивать административные расходы. Содержание военной и жреческой элиты требовало прибавочного продукта, т. е. ресурсов, объем которых превосходил бы «прожиточный минимум» населения, а для этого необходимо было некоторое систематическое усилие по увеличению продуктивности. Отсутствие разорительных войн уже давало возможность хозяйственного развития и роста населения, но эти возможности возрастали там, где вводились технологии орошения, ремесла и удаленная торговля.

Общественные работы – строительство каналов, координация посевов и орошения – требовали централизованного администрирования и мобилизации населения. Согласно теории историка-неомарксиста Карла Виттфогеля, в засушливых областях, таких как древние Месопотамия, Египет, Китай, земли ацтеков, именно аппарат по управлению орошением стал прототипом государства. И чем масштабнее инфраструктурные проекты, тем сильнее выражен синдром «восточного деспотизма». Однако «гидравлическая» теория происхождения государства, как ее теперь называют, была впоследствии опровергнута антропологами. Они доказали, что сначала создавался аппарат принуждения, потом уже те или иные хозяйственные проекты. На Гавайских островах, ставших, в силу своей длительной изоляции от остального мира, антропологической лабораторией, захват власти военным путем и создание крупного вождества явно предшествовал строительству оросительных систем. Сами по себе 44 оросительных системы острова Кауаи были простыми и не требовали централизованной власти для их поддержания. Это в состоянии была делать и родовая община, но она

и не работала бы сверх необходимого прожиточного минимума. Что обеспечивали военные вожди и *конохики*, специальная группа управляющих, так это объем выработки сверх необходимого минимума — он изымался и шел на поддержание политического сообщества.

Еще более успешными «государственниками» были военные сообщества, которые сочетали применение силы, изъятие ресурсов и удаленную торговлю. Такой стратегии следовали эллины, завоевавшие микенские поселения и построившие вдоль берегов Средиземного и Черного моря систему военно-торговых поселений, известных нам как древнегреческие полисы. В Средние века набеги викингов (они же норманны, варяги) в Европе привели к созданию десятков автономных политических единиц (королевства Ирландия, Англия, Сицилия, герцогство Нормандия и другие). В большинстве случаев их энергия уходила на грабеж, но в ходе некоторых военных экспедиций им удавалось закрепиться в местах, где были ресурсы и транспортные пути, удобные для «международной» торговли.

История не дает однозначного ответа на вопрос о том, призвали ли древние новгородцы Рюрика для управления территорией, или он с братьями пришел сам и подчинил землю с помощью военной силы. Хотя летописи содержат версию о приглашении князя, ничто в поведении древних варягов (викингов) не говорит о том, что им требовалось особое приглашение. В среде,

где главенствует насилие, понятие добровольности условно. В обстановке постоянных набегов или угроз местным правителям иногда было выгоднее отдать часть земель одному из варяжских бандитов, чтобы он защищал их от других себе подобных. Такой логике рэкета подчинился даже король франков Карл III, когда он в 911 году отдал предводителю скандинавов часть побережья Ла-Манша вокруг Руана, ставшую потом герцогством Нормандия.

Так или иначе, как сообщает «Повесть временных лет», в IX веке Рюрик с братьями и вооруженными соратниками доплыли по северным рекам в район озера Ильмень, откуда уже тогда в Европу прибывали небольшие торговые экспедиции. Взяв под контроль сбор дани с местных племен, князья переместились на юг и начали строить новое военное поселение для торговли с Византией. Правление Олега заключалось в подчинении славянских селений в районе среднего течения Днепра, сбора дани, организации и охране конвоев с воском, мехами и рабами в Константинополь. Днепровские пороги препятствовали свободному судоходству и заставляли переправлять ладьи волоком, а у порогов и бродов собирались банды печенегов, от которых надо было отбиваться. В обмен на свои товары военная элита русов получала оружие, серебро, шелк и другие предметы роскоши.

Торговые контракты поддерживались угрозами и принуждением. Военный поход Олега на Константинополь (предположительно в 907 году) был средством открыть для русов византийский рынок и установить режим беспошлинной торговли, символом которой был, согласно преданиям, прибитый к вратам Царьграда щит. Когда, нарушив договор, византийцы выгнали киевских купцов, Игорь воспользовался тем, что армия и флот Византии были заняты в восточной кампании, и организовал новое нападение (предположительно в 941 году). Военная акция позволила возобновить торговый договор на выгодных условиях в 944 году¹. Сын Игоря Святослав также вел исключительно военный образ жизни, стремясь упрочить контроль над торговыми путями в Византию, идущими по Дунаю.

Собирая дань со славянских и финно-угорских племен на пространстве от Волхова до Днепра, князь с соратниками конвоировали ее по рекам к рынкам сбыта. Открытие рынков и поддержание удаленной торговли создавало мотивы к дальнейшему росту принудительного изъятия ресурсов. Объем дани устанавливался произвольно и собирался лично князем и его дружиной. Игорю показалось, что в 945 году древляне недоплатили, он вернулся с требованием собрать еще, но в ответ был убит. Его вдова Ольга расправилась с восставшими, спалив Искоростень, однако потом была вынуждена упорядочить сбор дани, создав погосты и становища и определив нормы выплаты и распределения сборов по городам.

Строительство укреплений, охрана торговых путей, организация налогообложения, судопроизводство и другие действия, которые теперь ассоциируются с государственным строительством, были продиктованы необходимостью удержать территорию, увеличить доход и продолжать его получать. Эта активность больше похожа на управление охраняемым предприятием «Рюриковичи & Со.», чем на государственный проект. Охранное предприятие получало значительные доходы от торговли, но по сути торговало оно не воском, мехом или людьми, а организованной силой в различных проявлениях. Воск или меха представляли ценность только как товары, которые можно было обменять на серебро и другие товары, а центры такого обмена

i Франклин С., Шепард Д.
Начало Руси.
750–1200. СПб.:
Дмитрий Буланин,
2000. С. 167–205.

лежали далеко от среднерусской лесостепи и северных болот. Поэтому охранное предприятие прокладывало и поддерживало торговые пути — физически и институционально. Оно принуждало партнеров к заключению контрактных обязательств, охраняло конвои и предпринимало насильственные действия в случае нарушения контрактов. Оно получало охранную ренту за счет льготных условий торговли для «своих» купцов, которые обеспечивались если не военной угрозой, то предоставлением военной силы для защиты интересов торгового партнера: по договору с Византией русы должны были охранять Херсон, который был критическим пунктом торговых путей из Европы.

2 Борьба на выбывание

На протяжении трех миллионов лет или 99,8 % своей истории, как пишет антрополог Роберт Карнейро, люди жили без государства — в форме общин и автономных групп. Население росло, и общины начинали воевать друг с другом — в первую очередь там, где пригодные для обработки земли были ограничены природными условиями. К первому тысячелетию до н. э. появилось около 600 тысяч автономных политических образований, и с этого момента начался стремительный процесс надпоселенческой агрегации: в течение каких-то трех тысяч лет число таких единиц снизилось с 600 тысяч до 157¹. Сам механизм политической эволюции, благодаря которому возникли государства, Карнейро обозначил как «конкурентное исключение» (*competitive exclusion*). По сути, это синоним понятия «борьба на выбывание» (*Ausscheidungskampf, elimination contest*), которое за тридцать лет до этого использовал социолог Норберт Элиас в книге «Процесс цивилизации».

В Европе наиболее интенсивный цикл борьбы на выбывание длился со времени распада империи Карла Великого в IX веке н. э. (возникшей, в свою очередь, на обломках Римской империи) и до конца XVI века. Сам Карл Великий выступал